

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2024-9-4.665-675>

EDN: YVNOTI

Формирование мусульманских сообществ российского Крайнего Севера: проблемы адаптации и рождения новых идентичностей

А.К. Магомедов ✉

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Российская Федерация
armagomedov@gmail.com*

М.М. Гаджиев

*Дагестанский государственный университет
Махачкала, Российская Федерация
gadjiev.dgu@mail.ru*

Резюме. В статье исследуется, как миграционные процессы в регионы Крайнего Севера привели к созданию в городах исламских сообществ, мусульманской инфраструктуры и новых идентичностей в регионах российской Арктики. Работа опирается на ряд полевых исследований, проведенных автором в 2018, 2019 и 2022 гг. в российских полярных городах, в результате которых были получены ценные эмпирические материалы. Важно подчеркнуть, что мусульманские общины в городах российского Крайнего Севера не производят впечатление того, что они – часть глобальной исламской уммы. Связи с остальным мусульманским миром ограничены. Это не означает, что исламские общины Крайнего Севера автономны. Как и в советский период, в России по-прежнему силен государственный контроль над религиозным пространством. Авторы показывают, что мусульманские общины постепенно адаптируют религиозные практики к циркумполярным условиям. Для многих мусульманских мигрантов для своего выживания и адаптации к новым условиям крайне важно быть частью исламских сетей и сообществ. Данные исследования говорят о пластичности формирующейся идентичности в сознании полярных мусульман. Новым является то, что в шкале идентификационных признаков полярных мусульман определенное место занимает фактор «северянин». Анализ показывает, что интеграция в большое северное сообщество является более подходящим понятием, нежели экстремизм или сопротивление, когда речь идет о мусульманах российской Арктики. Это связано с тем, что исламская идентичность включает достаточно широкий диапазон социально возможных практик, связанных с адаптацией к северным условиям.

Ключевые слова: Ислам, миграция, северные города, мечети, идентичность.

Для цитирования: Магомедов А.К., Гаджиев М.М. Формирование мусульманских сообществ российского Крайнего Севера: проблемы адаптации и рождения новых идентичностей. *Историческая этнология*. 2024. Т.9. №4. С. 665–675. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-4.665-675> EDN: YVNOTI

Formation of Muslim communities in the Russian Far North: problems of adaptation and the birth of new identities

A.K. Magomedov

Russian State University for the Humanities

Moscow, Russian Federation

armagomedov@gmail.com

M.M. Gadzhiev

Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

Makhachkala, Russian Federation

gadjeiev.dgu@mail.ru

Abstract. The article examines how migration processes to the Far North regions have led to the creation of Islamic communities, Muslim infrastructure and new identities in cities in the regions of the Russian Arctic. The work is based on a number of field studies conducted by the author in 2018, 2019 and 2022 in Russian polar cities, as a result of which valuable empirical materials were obtained. It is important to emphasize that Muslim communities in the cities of the Russian Far North do not give the impression that they are a part of the global Islamic Ummah. Connections with the rest of the Muslim world are limited. This does not mean that the Islamic communities of the Far North are autonomous. As in the Soviet period, control of the state over the religious space is still powerful. The authors show that Muslim communities are gradually adapting religious practices to circumpolar conditions. For many Muslim migrants, it is extremely important to be a part of Islamic networks and communities in order to survive and adapt to new conditions. These studies indicate the plasticity of the emerging identity in the minds of the Muslims in the Arctic. What is new is that the "Northerner" factor occupies a certain place in the scale of identification features of polar Muslims. The analysis shows that integration into the large northern community is a more appropriate concept than extremism or resistance when it comes to Muslims in the Russian Arctic. This is due to the fact that Islamic identity includes a fairly wide range of socially possible practices related to adaptation to northern conditions.

Keywords: Islam, migration, Northern cities, Mosques, identity.

For citation: Magomedov A.K., Gadzhiev M.M. (2024) Formation of Muslim communities in the Russian Far North: problems of adaptation and the birth of new identities. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 9. No. 4: 665–675. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-4.665-675> (In Russ.)

Начало 21-го столетия ознаменовалось радикальными, хотя до сих пор не осмысленными, изменениями как в российской мусульманской географии, так и жизни российского исламского сообщества. Речь идет о том, до какой степени миграционные процессы меняют мусульманский ландшафт Российской Федерации. Россия является основным пунктом назначения для трудовых мигрантов из Центральной Азии и Кавказа с момента распада Советского Союза (Laguelle, 2017). Таких мигрантов не менее 12 миллионов, и реальная цифра, возможно, выше, учитывая отсутствие достоверной статистической информации о приез-

жающих, не говоря уже о тех, кто получил российское гражданство. Как подчеркивают авторы масштабного научного проекта под названием «Мигранты и денежные переводы. Восточная Европа и бывший Советский Союз», уже к концу первого десятилетия 21 века «Россия вышла на второе место мире по количеству мигрантов, приезжающих в страну, пропустив вперед Соединенные Штаты» (Migration and Remittances, 2012; Heleniak, Turunen, 2018; Heleniak, 2020). По привлекательности своего рынка труда для мигрантов российские арктические регионы сравнимы с крупными мегаполисами (Shaparov et al., 2022). Растущее число мусульманских мигрантов, которые приезжают в северные регионы России в качестве дешевой рабочей силы, повлияло на характер складывания новых исламских общин, практик и идентичностей.

Российская исламская проблематика сложна и многогранна. Существуют достаточно фундированные исторические изыскания ислама в России. Тем не менее, большинство исследований, ориентированных на современность, посвящены регионам, где мусульмане составляют большинство населения – Северный Кавказ, Урало-Поволжье, Центральная Азия (Yemeljanova, 1999; Малащенко, 2003; Ле Торивелек, 2013). Другие работы преимущественно посвящены вопросам безопасности и политического ислама (Religious and Violence, 2018). Однако, взаимосвязь между миграцией и исламским религиозным развитием в России обсуждалась недостаточно. Мы не рассматриваем борьбу за власть между различными региональными и административными исламскими подразделениями. Также за пределами нашего анализа остаются такие сюжеты, как государственно-исламские взаимоотношения, а также борьба с проявлениями мусульманского радикализма и экстремизма (Старостин, Ярков, 2023).

В своем исследовании мы попытаемся ответить на вопрос: что собой представляют формирующиеся исламские сообщества российской Арктики? В центре исследования – анализ развития мусульманской инфраструктуры, элементов общественной самоорганизации и роли религиозного сознания полярных мусульман в формировании их новой арктической идентичности. Исследование проведено на примере Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО), которое является регионом с быстро растущим мусульманским населением (Опарин, 2016).

Работа опирается на ряд полевых исследований, проведенных авторами в ЯНАО в 2018, 2019 и 2022 гг., в результате которых было получено достаточное количество эмпирической информации «из первых рук». Эти данные позволили раскрыть такие важные параметры исламской социальности, как адаптационные механизмы и варианты групповой консолидации мусульманских мигрантов для участия в общественной жизни северных регионов. Исследования были организованы в таких городах российского Севера, как Салехард с прилегающим портом Лабытнанги. Эти города являются визитными карточками Ямало-Ненецкого автономного округа, наряду с такими населенными пунктами, как Новый Уренгой и Надым. Что касается количественных методик, то основным таким методом стал опрос информантов-мусульман путем полуфор-

мализованного интервью по квотной выборке. Общая выборка исследования составила 200 респондентов. Тип и характер выборки определялся целевым критерием – по мусульманской принадлежности.

Краткая постсоветская история ислама в ЯНАО

Первые мусульманские общины в округе создавались в 1990-е гг. по инициативе татар, башкир и азербайджанцев, к которым впоследствии присоединились выходцы с Кавказа и Средней Азии. О стремительно растущем количестве мусульманских мигрантов говорят следующие цифры из исследования российских ученых. Так, в период с 1989 г. по 2010 г. численность приезжих из Средней Азии и Кавказа выросло в 9,4 раз: с 3 126 человек до 29 630 (Старостин, Ярков, 2023). Не существует достоверной информации о том, как менялось количество активно практикующих мусульман в постсоветские десятилетия. Однако, потребность в исламских знаниях, а также религиозных учреждениях, халяльных рынках и магазинах росла по мере увеличения численности мусульманских мигрантов в регионе. В округе существует официальная исламская структура – Духовное управление мусульман ЯНАО, которое по состоянию на 2020 г. включало в себя 17 локальных организаций. Как уже отмечалось, важной характеристикой полярного ислама в России, которая до сих пор остается большой проблемой для ее исследования, является отсутствие точных статистических данных о мусульманской миграции в полярные регионы.

Строительство исламских общественных институтов и их роль в консолидации полярных мусульманских общин

Здесь мы вкратце попытаемся дать ответ на вопрос: есть ли основания говорить о том, что в российских северных населенных пунктах под влиянием полярных обстоятельств сформировался новый – «другой» ислам, чьи характеристики отличаются от характеристик привычного и знакомого ислама, который существует на исторических мусульманских территориях? Мы не нашли на российском Севере «новый» или «особый» ислам, обладающий сугубо арктическими признаками. Более того, большинство признаков, которые мы обнаружили в мусульманских обществах российского Севера, являются распространенными на исторических исламских территориях. Речь идет о таких признаках, как полиэтнический характер мусульманских сообществ, фракционная борьба различных исламских элитных групп за власть, деньги и контроль над мечетями, официальный и силовой контроль над исламскими группами, секьюритизация региональной мусульманской жизни и т.д. Эти моменты хорошо изучены в перечисленной нами литературе, поэтому мы не будем их исследовать (Yarlykarov, 2020; Laruelle, Hohmann, 2019). Тем не менее, мы считаем, что есть несколько элементов, которые делают ислам в городах Крайнего Севера России достаточно конкретным и узнаваемым, чтобы заслужить прилагательное «полярный». Существуют особые характеристики, которые оказывают влияние на формирование специфики полярного ислама. К ним относятся непривычно хо-

лодный климат, затяжные полярные ночи, транспортная и пространственная удаленность арктических городов от современной логистической инфраструктуры, индустриальное устройство северных населенных пунктов. Данные признаки составляют фундамент арктического ислама, которые отличают его от традиционного ислама. (Магомедов, Гаджиев, 2022).

Мусульманские религиозные учреждения являются не просто элементами исламской инфраструктуры. Традиционно и исторически они выступали в качестве санкционированных центров мусульманской общественной активности. В связи с этим возникает вопрос: сколько мечетей и молельных домов построено в регионах российского Севера и Сибири? Мы не будем подробно описывать историю и прочие подробности строительства мусульманской инфраструктуры в городах российской Арктики. Все детали этого процесса изложены в работах российских и зарубежных авторов (Laruelle, Hohmann, 2019; Магомедов, 2022). По состоянию на 2020 г. (этот рубеж берется как время до начала пандемии «Ковид–19») во всех полярных территориях было открыто и легально функционировало 59 официально разрешенных мусульманских институтов и структур. Для пояснения необходимо отметить, что под последними понимаются мечети, молитвенные дома и молитвенные комнаты. Количественные параметры полярного ислама, выраженные в стремительном росте численности культовых учреждений, производят впечатление. Особенно если сравнить эти показатели с историческими исламскими регионами России. Любопытно сопоставить количество культовых учреждений самого крупного северного и сибирского региона – Тюменской области (включая ХМАО и ЯНАО) с аналогичным количеством в Чеченской Республике. Оказалось, что в Тюменской области насчитывается 94 мусульманских учреждений (Laruelle, Hohmann, 2019). Это больше, чем в Чечне – республике, которая позиционируется как регион показной и избыточной религиозности в России.

Что касается изучаемого нами объекта – Ямало-Ненецкого автономного округа, то он отличается тем, что здесь было построено и открыто 13 мечетей и молельных комнат, больше только в Ханты-Мансийском автономном округе, где насчитывается 21 таких объектов. Из остальных регионов по части развития ислама нужно отметить Республику Саха (8 мечетей и молельных комнат), а также Республику Коми (9 мечетей и молельных комнат). В Мурманской области построены две мечети: в самом Мурманске и в Северодвинске. На территории Красноярского края находится самая северная в мире мечеть в городе Норильске. В Архангельской области одна мечеть и одна молельная комната. Даже в Магаданской области две молельные комнаты. На сегодняшний день существует всего два субъекта РФ, где нет исламских культовых учреждений – Ненецкий автономный округ и Чукотка.

*Ислам, общественная самоорганизация
вокруг мусульманских институтов и вопросы идентичности*

В отличие от основных мусульманских регионов России и ближнего зарубежья (Кавказа, Урало-Поволжья и Центральной Азии) ислам в российских арктических регионах является городским. Важность религии среди мигрантов проистекает из необходимости выживания и адаптации в местах, которые являются новыми и чуждыми любому приезжему. Как утверждали некоторые из моих кыргызских респондентов: «Мы узнали об исламе на Севере. У нас дома в мечеть ходят и исповедуют ислам только старики». Иными словами, то, что принято называть «возрождением» ислама среди мигрантов – это понимание новых путей возвращения в ислам в непривычной чужеродной среде (Опарин, 2016). При этом важно понимать, что указанное «возрождение» представляет собой не простой процесс «возвращения» к исламу. Это сложный процесс, включающий трансформацию систем принадлежности, политики идентичности, сетевого взаимодействия, а также религиозных практик и систем верований, которые переплетаются с трудностями эмигрантской жизни.

Мигранты в городах российского Севера не живут изолированной жизнью, как это имеет место в российских мегаполисах, например, в Москве или Санкт-Петербурге.

Несмотря на то, что рабочий день большинства мигрантов очень плотный, они оказались в состоянии поддерживать социальную жизнь и реализовывать основные общественные практики, связанные с взаимопомощью и взаимодействием. В таком контексте важнейшими общественными институтами выступают мечети и халяльные кафе. Сети взаимодействия, основанные на общей религиозности, этнической принадлежности и родстве, воспринимаются как безопасное пространство социальной, экономической и политической жизни мусульманских общин полярных городов. Религия объединяет мигрантов разных национальностей (например, узбеков, кыргызов, таджиков, казахов и др.), связанных экономическими и политическими связями. Мечети предлагают пространство для общения и социальной жизни, доступ к экономическим возможностям, а также физическое благополучие. Этнические и религиозные (халяль) кафе предлагают мигрантам не только еду по доступным ценам (иногда кафе при мечетях также предлагают бесплатную еду), но и относительно безопасное пространство для общения, празднования, общения, нетворкинга, доступа к информации и других возможностей. Кафе являются наиболее важными местами для мигрантов, где можно не только поесть после долгого рабочего дня. Во многих кафе также есть молельные комнаты, о которых публично не объявляют, но которые являются общими внутри сообщества кафе (частые посетители, друзья/знакомые, сослуживцы администрации кафе или просто мигранты).

Стремление к социальной открытости и к строительству стабильных взаимоотношений с неисламскими структурами (органами власти, немусульманскими общинами и лидерами) делает исламские сообщества российского Край-

него Севера готовыми к строительству общего северного экономического и общественного пространства.

Условия жизни мигрантов в Арктике суровы не только в буквальном смысле слова. Жизненные стратегии новоприбывших мигрантов ориентированы на адаптацию к новым условиям, а это влияет на представление о системах принадлежности и идентичности (Yasmin, 2017). Среди мусульманских мигрантов существует несколько институций, обеспечивающих идентичность, взаимодействие и принадлежность, и они сосредоточены вокруг выживания и обеспечения безопасности. Если человек регулярно посещает одну из мечетей, то весьма вероятно, что его контакты и общение распространяются на людей, которые также посещают мечети. Те, кто регулярно посещает мечети, также стараются познакомить своих друзей или членов семьи с контактами, которые они установили через мечеть. Халяльные кафе функционируют аналогичным образом – как ключевые элементы мусульманских сетей взаимодействия.

Не все мигранты-мусульмане посещают службы в мечетях. Некоторые, как женщины, так и мужчины, предпочитают исповедовать свою религию дома. «Если у человека есть все и нет проблем, ему не нужно выходить на улицу за помощью, он может работать и молиться дома», – сказал узбекский мужчина, у которого нет возможности посещать исламские учреждения по причине занятости. Такие люди слабо представляют себе, как работает мусульманская община, даже если они иногда посещают халяльные кафе для того, чтобы отдохнуть и пообщаться. Социальные отношения и социальная жизнь этих мигрантов ограничиваются их общением в первую очередь с родственниками, и именно эти родственные связи активизируются в случае болезни или острых проблем.

Для многих мусульманских мигрантов для своего выживания и адаптации к новым условиям крайне важно быть частью исламских сетей и сообществ. Здесь мы приведем примеры того, как мусульманские мигранты представляют себе свои сообщества, которые создаются вокруг мечети. Важно отметить, что существует неформальная разница между теми, кто идентифицируются как *соблюдающие* (практикующие мусульмане) или *не соблюдающие* (непрактикующие). Те, кто считаются практикующими мусульманами, имеют более высокий авторитет. Высоко ценятся их более глубокие религиозные знания и опыт, а также религиозный капитал (уважение, доверие и авторитет). Мы здесь не говорим о светском признании религиозных авторитетов со стороны местных органов власти, силовых структур, соседних диаспор и т.д. Мы ведем речь сугубо о внутри-мусульманских делах.

Непрактикующие мусульмане стараются следовать примеру, советам и наставлениям практикующих, чтобы повысить свой статус и увеличить свой социальный авторитет и возможности. Уважение и доверие являются наиболее ценным капиталом, который, несомненно, может быть решающим во многих отношениях при разделении между практикующими и непрактикующими мусульманами. Это может повлиять на партнерство и продвижение в бизнесе, шансы на трудоустройство, лидерство, доступ к общению, социальную жизнь, дружбу,

брак и другие события. Один бизнесмен, который занимается доставкой в северные города халяльных продуктов, сказал нам: «Я работаю только с теми людьми, кто *соблюдает*, потому что могу им доверять. В нашей работе доверие – это самое главное. По значимости ценность доверия стоит рядом с такими ценностями, как семья и деньги. Без доверия ничего не работает. Работать можно только с *соблюдающими* мусульманами и доверять настоящим мусульманам, которые боются Аллаха. Если человек не боится Аллаха, то он не следует и правилам. Если он не боится Аллаха, то он не боится красть у других».

На наш вопрос о том, как он находит людей, которые, на его взгляд, являются *соблюдающими* (которые действительно следуют религиозным правилам), он ответил: «Обычно верующий мусульманин встречает людей в мечети на пятничной молитве, видит, как они молятся, и так он узнает о других единоверцах. Я хожу в эту мечеть уже более 15 лет и знаю, кто чужой, а кто наш. Мечеть – это не только место, где можно помолиться. Конечно, многие так и делают, но многие посещают одну и ту же мечеть в течение многих лет. У нас есть коллектив верующих, который постепенно складывался, в этом коллективе есть костяк лидеров и авторитетов, и мы знаем друг друга и доверяем друг другу в разных делах».

Костяк, о котором говорили этот и другие респонденты, – группа людей (постоянных посетителей), которые часто посещают и, по крайней мере, узнают друг друга по внешности, по имени и этнической принадлежности. Другими словами, люди, посещающие мечеть, чувствуют, что существует настоящая община, у которой есть *костяк*. Очень часто такой костяк неформально объединяет вокруг себя других верующих. Но есть и общины, которые формируются формальными религиозными лидерами – имамами, которые стоят во главе мечетей.

Анализ показывает, что интеграция в большое северное сообщество является более подходящим понятием, нежели экстремизм или сопротивление, когда речь идет о мусульманах российской Арктики. Данные исследования говорят о пластичности формирующейся идентичности в сознании полярных мусульман. Новым является то, что в шкале идентификационных признаков полярных мусульман определенное место занимает фактор «северянин». Это связано с тем, что исламская идентичность включает достаточно широкий диапазон социально возможных практик, связанных с адаптацией к северным условиям. Большая часть мусульман живет и строит свои планы относительно будущего в поликонфессиональной среде. Верующие преодолевают двойной вызов: в культурном поле в рамках этноконфессионального меньшинства и в современном региональном обществе, где они пытаются найти собственное место. При этом мусульманская принадлежность и рождающаяся северная идентичность не противоречат друг другу, а дополняют. Все это не позволяет рассматривать ислам и носителей исламской идентичности в российских полярных регионах в качестве угрозы существующей системе.

* * *

Важно подчеркнуть, что мусульманские общины в городах российского Крайнего Севера не производят впечатление того, что они – часть глобальной исламской уммы. Связи с остальным мусульманским миром ограничены. Это не означает, что исламские общины Крайнего Севера автономны. Как и в советский период, в России по-прежнему силен государственный контроль над религиозным пространством. Ислам разрешено исповедовать, но в специально построенных и одобренных государством местах.

На формирование общественного сознания полярных мусульман в России оказывают влияние ряд факторов. К ним относятся общая история (советское прошлое, культура и индивидуальный или семейный миграционный опыт), общий опыт мусульман, живущих в немусульманском обществе, общий статус меньшинства и общие ценности. Данные обстоятельства имеют решающее значение.

Термин «мусульманское сообщество», несмотря на его критику, все еще может быть полезен для понимания систем принадлежности в новой и непонятной среде арктических городов. Независимо от того, существуют ли они в форме групп или сетей, коллективы и сообщества как в воображаемом, так и в реальном измерениях включают в себя живые социальные отношения между индивидами, которые создают пространства социального (и часто религиозного) участия, чтобы выжить и сохранить безопасность. Тем не менее, нет достаточного количества систематических исследований, объясняющих, как формируются и функционируют системы принадлежности и идентичности в условиях неопределенности. Изучение новых и смешанных идентичностей в атмосфере городского капитализма может представлять многообещающую исследовательскую перспективу по мере дальнейшего расширения исламского пространства на Север.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ЛИТЕРАТУРА

Ле Торривеллек К. Состояние и особенности «российского ислама» // Записки аналитического центра «Обсерво», 2013. № 4. С. 3–24.

Магомедов А.К. Полярный ислам в системе российских мусульманских коммуникаций и «новой» социальной мобильности. Ульяновск: УлГУ. 2022.

Магомедов А.К., Гаджиев М.М. Полярный ислам в контексте рождения «новой мусульманской географии» России: социальные, институциональные и идентификационные характеристики // Исламоведение. Научно-теоретический журнал. 2022. Т. 13. № 3 (53). С. 87–98.

Малашенко А. Два несхожих ренессанса // Отечественные записки. 2003. № 5. С. 56–65.

Опарин Д. «Местные» и «приезжие» на Ямале: социальные границы и вариативность миграционного опыта // Сибирские исторические исследования. 2016. №4. С. 108–130.

Старостин А.Н., Ярков А.П. Ислам на Ямале: особенности интеграции в арктической зоне // Современная Европа. 2013. № 6. С. 1–14.

Heleniak T., Turunen E., Wang Ch. Cities on Ice: Population Change in the Arctic. *The Northern Forum*. 2018. 26 October. URL: <https://www.northernforum.org/en/news/481-cities-on-ice-population-change-in-the-arctic> (дата обращения: 17.03.2024)

Heleniak T. The Future of the Arctic Population // *Polar Geography*. 2020. P. 1–17. <https://doi.org/10.1080/1088937.X.2019.1707316>

Laruelle M. Central Asian Migrants as New Actors in Russia's Arctic Urban Landscape // *Urban Sustainability in the Arctic: Visions, Contexts, and Challenges* / ed. By Marlene Laruelle and Robert Orttung. Washington DC: IERES. 2017. P. 463–473.

Laruelle M., Hohmann S. Polar Islam: Muslim Communities in Russia's Arctic Cities. *Problems of Post-Communism*. 2019. 22 August. <https://doi.org/10.1080/10758216.2019.1616565>

Migration and Remittances Eastern Europe and the Former Soviet Union / ed. by A. Mansoor, B. Quillin. Washington DC: The World Bank. 2012.

Religion and Violence in Russia. Context, Manifestations, and Policy / ed. by Olga Oliker. A Report of the CSIS Russia and Eurasia Program. June 2018. Lanham, Boulder: Rowman&Littlefield.

Shaparov A.E., Sokolova F.K., Magomedov A.K., Bhagwat J. Population migration in the supporting regions of the Russian Arctic to improve international competitiveness of the Northern Sea Route // *Polar Record*. 58. 2022. e4. <https://doi.org/10.1017/S0032247421000711>

Yarlykapov A. Divisions and Unity of the Novy Urengoi Muslim Community // *Problems of Post-Communism*. 2 September. 2020. Vol. 67. No. 4–5. P. 338–347.

Yeasmin N. Cultural Identities in Sustaining Religious Communities in the Arctic Region: An Ethnographic Analysis of Religiosity from the Northern Viewpoint. *Journal of Ethnology and Folkloristics*. 2017. Vol. 11. Issue 2. P. 51–67. <https://doi.org/10.1515/jef-2017-0013>

Yemelianova G. Islam and Nation Building in Tatarstan and Dagestan of the Russian Federation // *Nationalities Papers*. 1999. Vol. 27. No. 4. P. 605–629.

REFERENCES

Heleniak T., Turunen E., Wang Ch. (2018). Cities on ice: Population change in the Arctic. *The Northern Forum*. 26 October. Available at: URL: <https://www.northernforum.org/en/news/481-cities-on-ice-population-change-in-the-arctic> (accessed: 17.03.2024).

Laruelle M. (2017). Central Asian Migrants as new actors in Russia's Arctic urban landscape. In: *Urban Sustainability in the Arctic: Visions, Contexts, and Challenges*. Marlene Laruelle and Robert Orttung (eds.). Washington DC: IERES: 463–473.

Laruelle M., Hohmann S. (2019). Polar Islam: Muslim Communities in Russia's Arctic Cities. *Problems of Post-Communism*. 22 August. Published online. <https://doi.org/10.1080/10758216.2019.1616565>

Le Torrivelek K. (2013). The state and features of “Russian Islam”. *Zapiski analiticheskogo centra “Observe”* [Notes of the Observe analytical center]. No. 4: 3–24. (In Russ.)

Magomedov A.K. (2022). *Polar Islam in the system of Russian Muslim communications and “new” social mobility*. Ul'yanovsk: UISU Publ. (In Russ.)

Magomedov A.K., Gadzhiev M.M. (2022). Polar Islam in the context of the birth of the “new Muslim geography” of Russia: social, institutional and identification characteristics. *Islamovedenie. Nauchno-teoreticheskiy zhurnal* [Islamic Studies. Scientific-theoretical journal]. Vol. 13. No. 3 (53): 87–98. (In Russ.)

Malashenko A. (2003). Two dissimilar renaissances. *Otechestvennye zapiski* [Domestic notes]. No. 5: 56–65. (In Russ.)

Migration and Remittances (2012). Eastern Europe and the Former Soviet Union. A. Mansoor, B. Quillin (eds.). Washington DC: The World Bank. (In Russ.)

Oparin D. (2016) “Locals” and “newcomers” in Yamal: social boundaries and variability of migration experience. *Sibirskie issledovaniya* [Siberian historical research]. No. 4: 108–130. (In Russ.)

Religion and Violence in Russia. Context, Manifestations, and Policy (2018). By Olga Oliker (eds.). A Report of the CSIS Russia and Eurasia Program. June 2018. Lanham, Boulder: Rowman&Littlefield.

Starostin A.N., Yarkov A.P. (2013) Islam in Yamal: Features of integration in the Arctic zone. *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe]. No. 6: 1–14. (In Russ.)

Shaparov A.E., Sokolova F.K., Magomedov A.K., Bhagwat J. (2022). Population migration in the supporting regions of the Russian Arctic to improve international competitiveness of the Northern Sea Route. *Polar Record*. 58: 4. <https://doi.org/10.1017/S0032247421000711>

Heleniak T. (2020). The future of the Arctic population. *Polar Geography*. 1–17. <https://doi.org/10.1080/1088937.X.2019.1707316>

Yarlykapov A. (2020) Divisions and unity of the Novyy Urengoy Muslim community. *Problems of Post-Communism*. September 2. Vol. 67. No. 4–5: 338–347.

Yeasmin N. (2017) Cultural identities in sustaining religious communities in the Arctic Region: An ethnographic analysis of religiosity from the Northern viewpoint // *Journal of Ethnology and Folkloristics*. Vol. 11. Issue 2: 51–67. <https://doi.org/10.1515/jef-2017-0013>

Yemelianova G. (1999) Islam and nation building in Tatarstan and Dagestan of the Russian Federation. *Nationalities Papers*. Vol. 27. No. 4: 605–629.

Сведения об авторах:

Магомедов Арбахан Курбанович, доктор политических наук, главный научный сотрудник и профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики, Российский государственный гуманитарный университет (125047, Миусская пл., 6, Москва, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0003-1303-1511>; e-mail: armagomedov@gmail.com

Гаджиев Магомедэмин Магомедрасулович, доктор политических наук, профессор кафедры философии и социально-политических наук, Дагестанский государственный университет (367000, ул. М. Гаджиева, 43А, Махачкала, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0001-9205-3780>; e-mail: gadjiev.dgu@mail.ru

About the authors:

Arbakh K. Magomedov, Doctor Sc. (Politics), Senior Research Fellow and Professor at the Department of Foreign Regional Studies and Foreign Policy, Russian State University for the Humanities (6 Miusskaya sq., Moscow 125047, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0003-1303-1511>; e-mail: armagomedov@gmail.com

Magomedemin M. Gadzhiev, Doctor Sc. (Politics), Professor at the Department of Philosophy and Socio-Political Sciences, Dagestan State University (43A M. Gadzhiev St., Makhachkala 367000, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0001-9205-3780>; e-mail: gadjiev.dgu@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 20.03.2024

Доработана после рецензирования / Revised 28.05.2024

Принята к публикации / Accepted 7.08.2024